

Виктор АРНАУТОВ

СЛЫШАВШИЙ РЕКИ, И ТРАВЫ, И ДАЖЕ НЕДРА ЗЕМНЫЕ...

(О Геннадии Круглякове)

Его имя и фамилия в моей сознательной жизни возникли тогда, когда я только-только начал приобщаться к писательской среде.

Выпустив в 1999 году в Новосибирске свою первую книжечку рассказов «Вариации на тему «Вокруг рыбалки», ранней весной следующего года я оказался в Томской области, на своей малой родине Пудино, на 60-летнем юбилее нашей средней школы.

Я с гордостью раздавал свои первые автографы, даря и подписывая книжечку своим родичам, друзьям, учителям и однокашникам. Среди однокашников оказался и Миня Сеницын – местный самородок-Кулибин, первым запустивший в наш Богом забытый болотный край центральное телевидение.

Принимая в дар мою тоненькую книжку в синей обложке, Миня, стеснительно улыбаясь, спросил:

– А ты не знаком случаем с писателем Геннадием Кругляковым?

Я напряг свою память и не обнаружил в ней такого.

– Н-нет, – запинаясь, виновато произнёс в ответ. – А кто он?

– Да... материн родственник. Племянник её двоюродный. Выходит, он нам с Шуриком троюродным братом доводится... Тоже книжки пишет...

– Да-а? А где он сейчас? – поинтересовался я, скорее из вежливости.

– Жил где-то в Алма-Ате, а теперь, кажется, куда-то под Москву перебрался...

– Ну, Миня! Ты бы ещё про кого из забугорных спросил... Я и своих-то, кузбасских, писателей знаю раз-два – и обчёлся.

– Так он же наш, пудинский. А жил и в Ляшкино, и в Красном Яре. После нашей школы Томский политех заканчивал...

– Даже так? А возраст у него какой?

– Да постарше нас с тобой лет на десяток, чуть более...

– Нет, Миня, не припомню. С таким не встречался... И зацепиться даже не за что...

На том наш разговор с Михаилом Сеницыным тогда и закончился. И, похоже, никогда в жизни я о нём бы и не припомнил. Если бы не один случай...

Издав очередью две своих следующих книжки рассказов, я был в писательской среде Кузбасса уже довольно известным «молодым» автором. Со многими поэтами и прозаиками я успел сблизиться. Сергей Донбай (наш руководитель студии «Притомье», которую я посещал), Владимир Иванов и Валентин Махалов дали мне рекомендации для вступления в Союз писателей России. С двумя последними у меня сложились весьма дружеские отношения. Из общения со мной, а особенно после книги «Где Чузик мой коричнево змеится...», они уже знали и о Пудино, и о речке детства моего – Чузике.

Я стал частенько наведываться в Дом литераторов Кузбасса. А однажды, было это в ноябре 2004 года, среди завсегдадаев сего пристанища поэтов и прозаиков я застал и Валентина Махалова. Дядя Валя (так мы, «молодые», называли его) держал в руках книгу, заинтересованно и внимательно вчитываясь в неё.

Увидев меня и поздоровавшись, он возбуждённо тут же выдал:

– Ты знаком с поэтом Геннадием Кругляковым?

– Я знал одного Круглякова, но его звали Анатолий Иванович. Да и поэт-то он был, сам знаешь какой... Прозаик всё-таки...

– Нет, этот другой, Геннадий. Тоже, между прочим, пишет про твой Чузик. И поэт – хороший!

– Интересно... К сожалению, не знаю такого...

На этом разговор наш окончился, дядя Валя спешил и был озабочен предстоящей творческой встречей.

Зайдя к Анатолию Павловичу Иленко, заместителю председателя Союза писателей Кузбасса, увидел у него на столе книгу «Слушая реки и травы» того самого автора, о котором только что говорил мне Махалов. Я с любопытством раскрыл её и почти на первых же страницах обнаружил до боли родные и знакомые топонимы: Ляшкино, Красный Яр, Пудино, Чузик... А чуть далее и фамилии: Захаровы, Кругляковы, Пуртовы, Гиеш, Антиповы... Вот это сюрприз! Оказывается, Геннадий Кругляков – мой полнейший земляк, родившийся, как и я, в местах спецпоселений, в соседней деревеньке Ляшкино (у меня в повести – Ляхово), в шести километрах от моего Красного Яра.

Придя домой, читал взахлёб его мемуары до полуночи и до того расчувствовался, что не мог уснуть потом ещё часа три... Особенно зацепило меня описание его сиротского детства.

А когда дело дошло до того места, где он жил в Красном Яру, в деревянном рубленом доме, что

138

стоял как раз напротив нашей начальной школы, у меня и вовсе возникло жгучее ностальгическое чувство. И подозрение: уж не тот ли самый это дом, в котором вырос и я? Только с Геннадием это происходило десятью годами ранее.

На следующий день я с нетерпением позвонил маме, что жила в Пудино. Стал спрашивать про Геннадия, Захаровых, Кругляковых. И между прочим поинтересовался:

– Мама, а у кого вы купили дом в Красном Яру, что напротив школы?

– У Бекаревых, – услышал я в ответ и был разочарован.

И всё же ещё теплилась у меня надежда:

– А что, они всегда там жили?

– Нет. Они покупали его у Кругляковых...

Вот оно! Точно! Всё-таки моя интуиция и вычисления не подвели меня!

...Читая книгу «Слушая реки и травы», я дошёл до его публицистики. Очень даже неплохо пишет. Зрело. А главное – чувствуется чёткая, если не жёсткая, жизненная позиция и оценка всего происходившего и происходящего сейчас. Помимо прочего, в этой книге есть заметки и статьи о творчестве таких поэтов, как Виктор Боков, Георгий Иванов, Николай Рубцов, Александр Твардовский, а это – уже показатель...

Возникла мысль: а не написать ли ему письмо? Познакомиться и выслать последние две своих книжки о наших с ним общих родных местах. Авось, да и напишет что о них. Ведь нашим-то, кузбасским, собратьям по перу по большому счёту до них и дела нет. Как будто я и не пишу и не издаю их, а читатели-покупатели и не интересуются моими книжками...

Из всё той же книги я узнал и о нелёгкой судьбе моего земляка. А судьба уготовила ему весьма замысловатую биографию.

Родился он в предвоенном 1938 году. Его мама, урождённая Захарова Прасковья Ивановна, вместе с раскулаченными родителями была выселена из деревни Карачи, что в районе озера Чаны, в Нарымскую ссылку – «за болото». Как говаривали ссыльные спецпереселенцы, высадили их «на голую кочку» в рямной тайге, на берегу речки Чузик. Там, в восемнадцати километрах от районного центра Пудино (тоже образованного в 1930 году исключительно из ссыльных), наспех выстроились бараки и домишки деревушки, названной Ляшкино. А по соседству, шестью километрами ближе к райцентру, на высоком берегу Чузика разбежались и домики Красного Яра. Красный Яр – раза в три побольше Ляшкина, в нём была уже и начальная четырёхклассная школа с двумя учительницами.

Нередко в часы досуга и бессонные ночи я, уже довольно взрослый, принимался по памяти воспроизводить все дома этой деревушки. Насчитывал по-

рядка 50 дворов. А ещё – вспоминал, кто же из живущих в ней был какой национальности. И выходило, что на полсотни дворов в ней жили люди аж пятнадцать национальностей! Поистине интернационал из сосланного спецконтингента. Нет теперь там никого. И деревушки той совсем нет...

Тайна своего рождения Геннадию открылась не сразу, уже в сиротстве, лет в десять. Роясь в белье-вом шкафу у своей тётки, он вдруг случайно обнаружил свидетельство о рождении. В нём были его имя и дата рождения, но самое страшное – там стояли другая фамилия и другое отчество – Браницкий Геннадий Теодорович...

Несколько позднее из рассказов родной тётки Геннадия выяснилось следующее: его мама в 1937 году была направлена на курсы бухгалтеров за двести вёрст от Пудина – в Парабель, центр соседнего района. Там у них преподавал ссыльный поляк Теодор (Фёдор) Браницкий. Возникли взаимные чувства, перешедшие в интимные отношения. А вот соединиться любящим ссыльным людям, находящимся на поселениях в разных местах, власти не позволили. В следующем году появился на свет Гена, уже в деревушке Ляшкино Пудинского района, куда из Парабеля вернулась его мать.

Родился Геннадий и вырос безотцовщиной. Уже много позднее, интересуясь своей родовой по отцовской линии, ниточка разысканий привела его к известным польским семьям Браницких, ведущих свои корни от Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт, племянницы князя Потёмкина – жены коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого и их дочери – Елизаветы Ксаверьевны Браницкой-Воронцовой. Да-да, той самой графини Елизаветы Воронцовой, с которой был роман во времена южной ссылки у самого Александра Сергеевича Пушкина! Не слабо... Может, отсюда и генетические истоки таланта писателя Геннадия Круглякова?! Как знать...

А с отчеством у него вышло так, что для поступления в Пудинскую среднюю школу в 1950 году потребовался документ. Тут-то и выдали его приёмным родителям, как свидетельство-дубликат, с указанием фамилии и отчества приёмного отца. Так стал Геннадий Фёдорович Браницкий (Захаров) Геннадием Владимировичем Кругляковым.

Геннадий рано лишился и матери – умерла, унеся с собой многие семейные тайны. Скончались и её родители. Маленький Гена вынужден был мыкаться по родственникам, чаще всего живя в многодетной семье своего двоюродного деда Потапа Захарова (родного деда моих друзей детства и однокашников – Мини и Шурика Синециных и Толика с Володей Захаровых).

Как-то его, беспризорного Генку, заметил председатель артели пихтового заводика Влади-

139

мир Кругляков, живший в Красном Яре, в шести километрах от Ляшкино. Он и уговорил деда Потапа отдать ему мальчонку. Так и оказался Геннадий в семье Кругляковых, усыновивших его и давших ему свою фамилию и отчество. Вот и жили они (правда, недолго) в том самом доме напротив школы, в котором и мне потом довелось жить почти десяток годов, спустя некоторое время – сначала вместе с моими родителями, а позднее – навещать туда к бабушке.

После окончания начальной школы смышлёного и способного к учёбе мальчишку отправили приёмные родители учиться в Пудино. Все шесть лет учёбы мыкался он по квартирам, каждую субботу пешком преодолевая восемнадцать километров до дома в Ляшкино, куда переехали Кругляковы из Красного Яра. А под вечер в воскресенье – этот же путь обратно с котомкой провизии на неделю за плечами...

Окончили мы с ним одни и те же школы: сначала начальную в Красном Яре, а затем и среднюю Пудинскую, с разницей в одиннадцать лет. Застал я ещё и некоторых общих наших учителей, так что получается, мы с Геннадием Кругляковым – дважды одношкольники.

Возможность вырваться из колхозной крепостной кабалы у молодёжи тех мест была одна – поступить учиться в институт или техникум. Способности к учёбе у Геннадия сочетались с рано проснувшимся исследовательским любопытством. Так, на каникулах после окончания седьмого класса он собрал образцы слабожелезистых руд, выступавших по обнажениям берегов нашего Чузика, и радужные разводы болотинок, свидетельствующие о наличии там нефти, и отослал всё это с сопроводительным письмом в Томск, в краеведческий музей. Было это ещё задолго до открытия в наших краях месторождений нефти и газа.

После окончания средней школы Геннадий без особых усилий поступает в Томский политехнический институт на геолого-разведовательный факультет, по специальности «Геофизика». Приобретая специальность, Геннадий пробует себя здесь уже и как поэт. Из-под его пера выходят многие стихи, но всегда ещё зрелые, но открывенные, исходящие от души, а не по заказу. В редакции институтской газеты «За кадры» раз в неделю собирается творческая молодёжь литературного объединения «Молодые голоса».

Здесь, в Томске, он посещает литературную студию, знакомится с другими начинающими поэтами, и не только своего института, но и университета. Среди его молодых собратьев по перу оказываются студенты-политехники: Валерий Лихачёв, Геннадий Анохин, Володя Кононенко, Сергей Семёнов, Николай Доронин, Алик Изыгашев, возглавляе-

мые молодым преподавателем Игорем Леоновым; студенты университета Геннадий Юров, Анатолий Суздальцев и другие талантливые начинающие поэты. Его стихи начинают появляться в вузовских «многотиражках» и даже временами в Томской областной газете «Красное знамя».

Университетскую многотиражку редактировал в то время недавний выпускник филфака ТГУ поэт Василий Казанцев, с которым Геннадий познакомился на одной из совместных встреч пишущих студентов вузов города в 1959 году. Стихи Василия Казанцева для Геннадия были «новым веянием». Некоторых из новых стихов Василия он бывал первым слушателем. Мало того, старший товарищ знакомил и поновому открывал глаза Геннадия на творчество Александра Твардовского, Василия Белова, Георгия Иванова, Даниила Андреева.

Незабываемые впечатления оставила у студента Геннадия Круглякова первая полевая геологическая практика – на Горном Алтае! Чуйский тракт, бирюзовая красавица Катунь, Чемал, величайшая гора Алтай Белуха...

После третьего курса была практика в Забайкалье, на Хамардабане. Впечатления от пребывания там Геннадий оставил в стихотворении:

*На хвойный склон Хамардабана
С утра взбирается медведь.
К чему ему руда титана,
Железо, олово и медь?
...А там, за озером Гусиным,
Степные стлы небеса.
Был жёсткий хлеб. Слегка бензином
Попахивала колбаса....*

В начале лета 1960 года отчисленный с четвёртого курса студент оказался в Кузнецком Алатау – принятым на работу сначала младшим техником-геофизиком, а немного позднее – техником в Северо-Алатауской геофизической экспедиции Западно-Сибирского геологического управления. Экспедиция базировалась в Кемеровской области, недалеко от станции Тяжин. Почти два года он проработал, ведя магнитометрическую съёмку нового месторождения скарнового золота в районе деревни Натальевка. Стихи, казалось, рождались сами по себе:

*Золотое песчаное дно
Самородки скрывало живые.
Я нашёл Золотое руно,
Погребённое в реки земные...
Ах ты, речка, таёжная речка,
Вижу солнечный твой пережат.
У тебя золотое колечко,
Может, с нашей речушки Кундат?*

Написанные в полевых условиях стихи Геннадий отправляет в газеты, его печатает «Комсомолец Кузбасса», редактором которого в то время был Рудольф Теплицкий. За них ему шлют переводы – по три-пять рублей за публикацию.

Здесь, в Кузбассе, Геннадий Кругляков становится скороспелым семьянином, заключив брачный союз в ЗАГСе станции Тяжин со студенткой Томского мединститута Валентиной Кузьминских. От этого союза у молодых появилась на свет дочь Лариса. Геннадий и Валентина оказались настолько разными людьми, что брак этот никак не мог продолжаться длительное время.

В 1961 году Кругляков возвращается в Томск, восстановившись на заочное отделение своего института...

Потом было окончание института, распределение. Работа и скитание по экспедиционным геолого-разведочным горам Саян и Алатау. Была и Молдавия. И опять судьба занесла его в середине шестидесятих годов в наш Кузбасс. На сей раз в Горную Шорию, в эти замечательные и уникальные природные места. Не без его участия в районе Таштагола проводились геофизические исследования запасов магнетита – месторождений местных железных руд. Тут он однажды столкнулся и с чудом природы – реликтовым Кузедеевским липовым островом.

Ему казалось, что в то замечательное утро «пела и радовалась жизни каждая травинка». Под впечатлениями он пишет лирическое стихотворение и очерк об этом чуде природы, обозвав его «Кузедеевским бором», почти риторически вопрошая: «И как же он сохранился, такой древний бор, по соседству с неугомонным, неуживчивым человечьим пристанищем?»

Чутко вслушиваясь в дыхание природы, шелест трав и разговоры перекаточных речных струй, он восклицает: «Теперь во всём я вижу красоту!» Геннадий продолжает писать стихи, отсылая их время от времени в газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Его печатают, он знакомится с кузбасскими журналистами и писателями. Сближается с поэтами Валентином Махаловым и Игорем Киселёвым. Игорь Киселёв становится и редактором его первой поэтической книжки «Взмах крыла», выпущенной Кемеровским книжным издательством в 1967 году.

Потом романтика геолога и лирика поманила его в Казахстан. На долгие двадцать зрелых лет его пристанищем становится столица Казахстана Алма-Ата. И здесь он попадает в круг замечательных поэтов и прозаиков, среди которых находит особое взаимопонимание с удивительным поэтом Олжасом Сулейменовым.

Его очаровывают новые краски, новизна и архаизм нашего азиатского Востока, как:

*...археологическое эхо,
Эхо эпох и отдельного века,
Эхо могил океанских глубин,
Эхо платформенных глин...*

Готовятся и выходят в издательствах Алма-Аты его поэтические сборники «Звёздная чаша» и «Золотое руно».

Как зримо и звучно-осязательно выглядит его небольшая зарисовка «Лето»:

*Лето, моё лето, –
Дурманит, словно хмель;
Рубашка – в клеточку,
Да ночью – коростель,
Да по дорогам в полдень
Весёлый звон овса,
Да в волосах, как в поле,
Запуталась оса...*

Помимо созерцательной лирики, в его поэтический голос всё чаще вклиниваются тревожные звуки и нотки озабоченности за природу и экологию, и всё оттого, что:

*Я душу открыл небесам,
Ушам и свидетелям ложным,
Восторженным верил глазам,
Шагая по камням тревожным...*

Всё оттого, что:

*Приметы времени во всём –
В траве, в окраске мха,
И как склонилась над ручьём
Усталая ольха...*

Всё потому, что:

*На свидание с Небом я вышел
Средь притихших полей и холмов...
Вечный я житель покинутых мест –
Тучек озябших и ёлок окрест.*

Всё потому, что «я чувствую времени бег», что видится, как «рушатся стены и троны», всё потому, что «мы для природы всего лишь помехи» и что «может быть, лучше природе без нас»...

Как геолога, его не могли не интересовать предшественники, внесшие свой вклад в исследование и изучение Сибири, её богатств и недр. Среди таковых Н. М. Пржевальский и П. П. Семёнов-Тяншанский, А. П. Окладников и В. А. Обручев,

177

И. В. Мушкетев и М. А. Усов. Биография и труды великого путешественника, геолога и исследователя Сибири и труднодоступных районов Средней Азии Ивана Васильевича Мушкетова послужили основой для написания Геннадием Кругляковым о нём книги «Пегие горы», которая вышла в Алма-Ате в 1986 году.

Однако вернёмся к тому времени, когда лично я узнал о существовании моего земляка – поэта Геннадия Круглякова.

Сразу же после моего заочного знакомства с Геннадием через его книгу появилось желание познакомиться с ним лично или для начала хотя бы написать письмо. Сделал я это едва ли не на следующий день. Написал очень тёплое и ностальгическое письмо, сообщил ему о нашем многом общении. Однако как было отправить это письмо адресату, ведь в нашем Доме литераторов его адреса никто не знал. Не мог мне толком никто сказать – и каким образом оказалась его книга в ДЛК. Кто её туда принёс?

С большим трудом, окольными путями, сначала через маму, потом через Миню Сеницына, его младшую сестру Екатерину, живущую в Томске, я наконец-то добрался и до распространителя книги Геннадия Круглякова – жены его двоюродного дяди Павла Захарова (родного дяди Мини и Шурика Сеницыных), живущей в Томске. От неё (Людмилы) я выяснил, что Геннадий Владимирович живёт теперь в подмосковном городе Электросталь, узнал его почтовый и домашний адрес.

Моё письмо ушло в надежде на скорый ответ. Увы, такового не последовало.

Вскоре, в марте 2005 года, я побывал на очередном школьном юбилее в Пудино, где в числе именитых учеников и выпускников Пудинской средней школы числились Владимир Крюков и мы с Кругляковым – как писатели России. Я надеялся на встречу и знакомство с ним. Увы, этого не случилось: Геннадий не смог приехать на встречу, послав туда лишь поздравительную телеграмму и парочку экземпляров своей последней книги.

А к этому времени у меня вышла новая книга «На рифах памяти». И опять – про наши с ним родные места и ностальгические времена. На вечер встречи выпускников школы я делал видеозаписи и даже специально сфотографировался с моими земляками – троюродными братьями и сестрой Геннадия Круглякова, с прицелом – выслать ему всё это с очередным письмом.

Кроме прочего, у меня была и ещё одна подспудная цель: а не напишет ли он свой авторитетный и компетентный отзыв о моей последней книге?

Наконец вместо письма в моей городской кемеровской квартире раздался телефонный звонок, по

межгороду. Слегка запинаящийся и путающийся волнительный голос представился: «Гена Кругляков».

Он благодарил меня за письма, фотографии с вечера встречи и мои книги. Поскольку о книгах речь шла весьма сдержанно и даже как бы окольно, я понял, что до них у него пока дело не дошло и времени не хватило... Жаль... От такого разговора с ним по телефону настроение моё было несколько подавленным, и представление о Геннадии Круглякове как человеку – не самое приятное.

А через некоторое время, в самом начале осени 2005 года, опять же по телефону, Геннадий сообщил мне, что собирается в Томск и планирует навестить в Кемерово. Я обрадовался такой появившейся возможности.

Рано утром 28 сентября он опять позвонил. И попросил, чтобы я встретил его на кемеровском автовокзале. В этот день почти вся наша пишущая братия провожала в последний путь большого друга писателя – народного художника России Виктора Сергеевича Зевакина. Поэтому в ДЛК никого не было, и я решил привезти его к себе домой. Вот что осталось в моих дневниковых записях о той встрече с Геннадием Кругляковым.

30 сентября 2005 г.

Позавчера состоялась ещё одна интересная встреча. Точнее, визуальное знакомство с Геннадием Кругляковым. Приехал он проездом из Москвы, через Томск. Я его встретил на вокзале, привёз к себе домой. Взяли бутылку сухого красного вина и полторашку пива. На скорую руку сготовил и закусь. Включил видеозаписи с Пудинских школьных встреч... Помянули недавно погибшего моего друга, а его троюродного брата – Михаила Сеницына, который меня-то и вывел ещё лет пять назад на поэта Круглякова.

Много говорили о поэзии и поэтах. Кстати, сам Кругляков – человек весьма своеобразный. За кажущейся простотой и демократичностью чувствуете уже некоторый латентный снобизм и высокомерие по отношению к провинциалам... Категоричен в суждениях, непримирим к графоманам.

Из тех моих книжек, что я ему выслал, он, похоже, прочитал не более двух-трёх рассказов. Хотя меня называет писателем (особенно в разговорах по телефону со своими знакомыми). Я же подписал и две своих книжки его томскому приятелю-земляку профессору ТПИ А. М. Гуртякову. (Я о нём слышал, но не знаком.) Покоробило меня как профессионального библиотекаря его отношение к дарственным книгам вообще. Сказал, что и хранить многое не стоит, и выбрасывать не очень хорошо... Что уж говорить про то, что он их внимательно читает... Так, разве что перелистнёт иногда, засунув потом в какую-нибудь темнушку.

172

Показал ему наш журнал «Огни Кузбасса». Он его даже толком и не посмотрел. Правда, поинтересовался, кто такой Михаил Анохин. Эта фамилия для него ассоциативна с его погибшим другом из студенческой томской юности.

Много рассказывал о знакомствах с Леонидом Мартыновым, Виктором Боковым, Олжасом Сулейменовым, Валентином Распутиным, Юрием Кузнецовым, Анатолием Парпарой, Станиславом Куняевым... Поносил Московскую писательскую организацию во главе с Гусевым, в которой уже порядка 1 700 членов, огульно называя всех их графоманами.

Честно признаюсь, ожидал от подобной встречи большей теплоты и взаимопонимания... Вроде всё не так уж и плохо, но какая-то трещина и даже расширяющаяся дистанционность обозначилась. А накануне, буквально за день, я в «ударе нежных чувств» к малой родине и друзьям, особенно к так нелепо погибшему Мине Синицыну, просматривал видеозаписи. И даже наметил для себя: сделать видеодубль именно для Круглякова и отослать кассету в Москву. На ней – его троюродные братья со стороны Захаровых и Синицыных... Теперь убедился: ему это не очень-то и нужно...

Кругляков выразил сожаление, что не удалось встретиться в Кемерове с Махаловым и Юровым. Вспомнил про Мазаева и Донбая...

Однако книжку свою, которую я заполучил в нашем ЦДЛК ещё год назад, он подписал мне довольно тепло: «Дорогому Виктору Арнаутову – земляку, более, чем земляку, близкому человеку по восприятию этого грустного мира... Искренне – Геннадий Кругляков». Ну, и на том спасибо...

Как ни странно, но после этой встречи отношения наши стали налаживаться в лучшую сторону. Особенно после того, как он прочитал мои книги. Частенько стал он позванивать мне по телефону из Электростали. Обычно уже в состоянии лёгкой прострации от принятого веселящего. Вот ещё одна запись моего дневника:

14 января 2006 г.

Позавчера позвонил из Москвы Г. В. Кругляков, поздравил с Рождеством и Новым годом, сообщил, что родилась у него очередная внучка. Хвалил опять мою прозу. Только лучше бы он написал что-нибудь о ней критического – было бы нечто материальное, а не устно-хвалебное.

Я сделал фотографии для своего писательского фотоальбома. Пополнил фотками, где я с Геннадием Кругляковым и с другом, новокузнецким писателем Владимиром Максимовичем Неунывахиным. Поразительное внешнее сходство между ними! Они и возрастом одинаковы. Просто почти одно и то же лицо! Бывают же такие вот сюрпризы и загадки Природы!

В Томске со временем образовалось своеобразное землячество бывших пудинцев, которые ежегодно, в середине августа, на День физкультурника, собираются человек по тридцать на пригородной даче мастера спорта и бывшего чемпиона России по мотогонкам – нашего земляка Владимира Махно. Среди участников этого «форума» встречаются доктора и кандидаты наук, профессора и доценты вузов, учителя и врачи, военные и инженеры, спортсмены и директора предприятий, культурботники и телевизионщики, поэты и прозаики. И не только одни нынешние томичи, но и новосибирцы, алтайцы, кемеровчане.

На одну из таких встреч пригласили и меня, соблазнив тем, что на неё обещается приехать из Москвы и Геннадий Кругляков. Я связался с ним по телефону. Он подтвердил это.

Мало того, он сообщил, что намерен после встречи съездить и в наше Пудино, побывать и поклониться родным Красному Яру и Ляшкино... А поскольку не стало Мини Синицына, его троюродного брата и моего однокашника, я даже посоветовал ему остановиться там у моей мамы.

Встреча пудинцев состоялась, как и намечалось, в августе 2008 года в Тимирязево – пригороде Томска, на даче у Володи Махно. Приехал туда и я из Кемерова, со своими школьными друзьями – томичом Николаем Ковшаровым и шегарцем Анатолием Устюговым. Только на встрече этой Геннадия Круглякова не было.

Его вообще уже не было в живых...

Но остались его книги и стихи. Много стихов. Среди которых и вот это:

*Слушая реки и травы,
Ранние голоса,
Думаешь: «Господи правый,
Так ли прозрачна роса?
Так ли бездонны озёра
С чистою божьей водой?»
Колокол звёздного хора
Грозно гудит над тобой.
Выдержать с нами соседство
Больше не в силах леса.
Есть лишь последнее средство –
Грозные небеса.
Небо огнём разразится,
В недрах послышится рык,
Чтобы освободиться
От неразумных владык...
Слушая реки и травы,
Милую детскую речь,
Думаешь: «Господи правый,
Как их навек уберечь?»*